

НОВЫЙ ПОДХОД К УСТАНОВЛЕНИЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДРОППЕРОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Татьяна Зезюлина*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-4-77-56-64

Введение. В эпоху цифровой трансформации большого количества общественных отношений, увеличения доли безналичного денежного расчета, преступники были вынуждены прибегнуть к новейшим механизмам вовлечения иных граждан в свою преступную деятельность. Одним из таких способов стало дропперство, когда граждане за денежное вознаграждение предоставляют свои банковские счета для пополнения, снятия наличных денежных средств или осуществления их безналичного движения. Дропперство – новое явление в отечественной преступности, посредством которого граждане участвуют в незаконном обороте безналичных денежных средств, происхождение которых связано с подготовкой или совершением какого-либо преступления, сокрытием следов его совершения, усложнением цепочки движения денежных средств преступного происхождения. В этой связи доказывается, что преступления дропперов выступают составной частью более масштабной преступной деятельности, но при этом являются самостоятельным уголовно-правовым феноменом, изучение которого на доктринальном уровне только начинается.

В статье впервые исследуются особенности новых составов преступлений, предусмотренных в ч.ч. 3-5 ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), установившие ответственность для дропперов, расставляются акценты их уголовно-правовой квалификации, производится сравнительно-правовой анализ с иными смежными преступлениями.

Материалы и методы представлены обращением к современной доктрине уголовного права, криминологии и практике применения уголовного законодательства в правоохранительной деятельности, а также комплексным использованием таких общенаучных методов, как диалектика, логика, сравнение, сопоставление, индукция, дедукция, обобщение, деление и следующих частных-научных методов познания: сравнительно-правовой, формально-логический, системно-структурный, контент-анализ.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил рассмотреть теоретико-правовые подходы к толкованию преступлений дропперов, уточнить понятие дропперства в современном уголовном праве, изучить современную законодательную позицию по вопросам привлечения дропперов к уголовной ответственности и уголовно-правовой квалификации их действий, выделить

* **Зезюлина Татьяна Александровна**, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
e-mail: tatina_zezulina@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-4559-434X

и охарактеризовать ключевые объективные и субъективные признаки преступлений дропперов, акцентировать внимание на усиливающийся криминогенный потенциал данных преступлений, выступающих составной частью иной более масштабной преступной деятельности третьих лиц.

Обсуждение и заключение. Преступления дропперов – это новый вид общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом в ч.ч. 3-5 ст. 187 УК РФ, совершаемых различными способами с использованием электронных средств платежа, среди которых: передача доступа к ним другим лицам; самостоятельное осуществление неправомерных операций с ними; их приобретение либо передача другому лицу и (или) предоставление доступа к ним другим лицам.

Принципиальные условия наступления уголовной ответственности дропперов содержатся в субъективной стороне составов преступлений, предусмотренных ч.ч. 3-5 ст. 187 УК РФ. Во-первых, умыслом дроппера должно охватываться понимание того, что все осуществляемые им операции с денежными средствами являются неправомерными, либо такие неправомерные операции осуществляет третье лицо, которое вовлекло дроппера в данную деятельность. Во-вторых, обязательное наличие в мотивации действий дроппера корыстной заинтересованности, предполагающей материальный интерес дроппера к получению какого-либо вознаграждения за оказанное им содействие в движении денежных средств через свои лицевые счета. Отсутствие доказанности указанных признаков предполагает на практике невозможность привлечения дроппера к уголовной ответственности.

Введение

Не так давно в отечественный лексикон вошли слова «дроп», (от англ. «drop» – бросать) и производные от него «дроппер», «дропить», «дропнуть», «дропперить», «дроповод». Указанные термины стали использоваться преимущественно для обозначения незаконных банковских операций подставными лицами, которых умышленно вовлекают в незаконный процесс по легализации имущества, добытого преступным путем, либо финансирования отдельных незаконных действий. Так, в интерактивном словаре на официальном сайте ПАО Сбербанк термин «дроп» (дроппер, обнальщик, drop, money mule) толкуется как «человек, который предоставляет мошенникам свою банковскую карту или банковский

счет для “отмывания” похищенных денег либо обналачивает их самостоятельно»¹. В юриспруденции данным термином стали обозначать жаргонное название соучастника преимущественно мошенничества, а именно – подставного лица, на счет которого зачисляются похищенные денежные средства. В последующем к разъяснению данного термина и уточнению его юридических признаков подключились представители различных правоохранительных органов. Так, на официальном сайте Прокуратуры Хабаровского края дропперами называют «людей, которые предоставляют свои данные мошенникам для открытия счетов, либо банковские карты для дальнейшего вывода денежных средств, затрудняя выход на основного преступника»². В МВД России использовали более обобщенную формулировку, указав на официальном

¹ Дроп // Сбербанк: сайт. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/klibrary/vocabulary/drop> (дата обращения: 13.08.2025).

² Прокурор разъясняет. Кто такие дропперы и как взыскать с них ущерб? // Прокуратура Хабаровского края: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/activity/legal-education/explain?item=89000905 (дата обращения: 13.08.2025).

сайте УМВД России по Невскому району г. Санкт-Петербурга, что дропперами являются «лица, предоставляющие свои банковские карты в целях осуществления незаконных финансовых операций»³.

О масштабах проблемы противозаконной деятельности дропперов в современной России свидетельствует мнение официальных представителей банковского сектора, которые заявляют, что «каждый месяц дропперами становятся около 80 тыс. российских и иностранных граждан»⁴. При этом количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, где наиболее активно участвуют дропперы, ежегодно растет: в 2023 г. было зарегистрировано 676951 такое преступление, в 2024 г. – 765365 преступлений, за 6 месяцев 2025 г. – 371393 преступления⁵. Структура данной преступности весьма разнообразна и охватывает как хищения, так и более опасные транснациональные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, террористической, диверсионной и экстремистской деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации и ее интересов.

Таким образом, преступная активность дропперов на сегодняшний день представляет весьма серьезную угрозу национальной безопасности нашей страны. В этой связи в июне 2025 года после многочисленных обсуждений была закреплена уголовная ответственность за данный вид деятельности в ст. 187 УК РФ. Поэтому в силу новизны норм УК РФ об ответственности за дропперство существует научная необходимость обобщить законодательный и теоретические подходы к целесообразности криминализации ответственности дропперов, провести юридический анализ соответствующих составов преступлений и сделать научно обоснованные выводы.

Исследование

Согласно Федеральному закону от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» впервые в отечественном уголовном законе установлена уголовная ответственность за умышленное, из корыстной заинтересованности осуществление различных неправомерных операций с использованием электронного средства платежа, либо предоставление доступа к нему третьим лицам, использующим его в различных преступных целях (ч.ч. 3, 4, 5 ст. 187 УК РФ)⁶.

Научные дискуссии о необходимости криминализации подобных действий велись в последние годы довольно активно. Часть авторов поддерживают такую инициативу [4. С. 82-99; 6. С. 41], поскольку законодательные шаги в этом направлении вполне вписываются в существующую картину активизации преступлений, совершаемых дистанционным способом без непосредственной визуализации потерпевшим истинного преступника [2. С. 68-75] и полностью отвечают необходимости обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в силу новых вызовов и угроз⁷. Однако часть других исследователей обосновывают положения о том, что уголовная ответственность для дропперов является излишней [3. С. 138-146].

Очевидно, что существовавший до внесения указанных изменений механизм привлечения к уголовной ответственности лиц, предоставляющих свои банковские счета (номера пластиковых карт, мобильных устройств) третьим лицам за вознаграждение, в качестве пособников преступлений, «работал» не всегда. Причин тому несколько. Во-первых, институт пособничества в совершении преступлений находится в прямой юридической зависимости от основного

³ Установлена уголовная ответственность для лиц, предоставляющих свои банковские карты в целях осуществления незаконных финансовых операций (дропперов) // УМВД России по Невскому району г. Санкт-Петербурга: сайт. URL: <https://невский.78.мвд.рф/news/item/68407880> (дата обращения: 13.08.2025).

⁴ В ЦБ число новых дропперов в России оценили в 80 тыс. человек ежемесячно // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67b6e2df9a7947c08ed16ab2> (дата обращения: 13.08.2025).

⁵ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года – январь-июнь 2025 года // МВД России: сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 13.08.2025).

⁶ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 26 (часть I), ст. 3506.

⁷ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. ст. 2902.

преступления, будучи фактически «подчиненным» квалификации деяния исполнителя. Во-вторых, расследование уголовных дел в отношении исполнителей преступлений по различным причинам может не оканчиваться постановлением обвинительного приговора, в связи с чем действия пособника не могут подлежать самостоятельной правовой оценке. В-третьих, в уголовном законе наметилась четкая тенденция в выделении самостоятельных составов преступлений для специальных пособников, чьи действия выражаются в оказании содействия совершению некоторых преступлений (например, ст. 110.1, 205.1, 281.1 УК РФ), а также посредничества в их совершении (например, ст. 291.1 УК РФ). Полагаем, что в случае установления обособленной уголовной ответственности для дропперов законодатель руководствовался необходимостью самостоятельной правовой оценки их деяний, без юридической привязки к последующему развитию преступной деятельности третьих лиц, т.е. исполнителей преступлений.

Далее подробнее рассмотрим особенности уголовной ответственности для дропперов, установленной в ст. 187 УК РФ.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что законодатель не пошел по пути конструирования новой статьи в Особенной части УК РФ, а существенно перегрузил содержание уже действовавшей на момент внесения изменений ст. 187 УК РФ. Хотя представители научного сообщества были сторонниками абсолютного обособления новой уголовной ответственности для дропперов в рамках отдельной нормы, поскольку архитектура ст. 187 УК РФ и так вызвала множество нареканий [1. С. 51-54].

Обновленная ст. 187 УК РФ, будучи включенной в гл. 22 УК РФ, обеспечивает защиту экономической деятельности, которая выступает видовым объектом состава данного преступления. Это формирует основание полагать, что обеспечение охраны иных общественных отношений, которые могут ставиться в опасность от действий дроппера, указанной нормой не охраняются. Это само по себе нивелирует необходимость доказывания в каждом конкретном случае осведомленность дроппера о преступной цепочке движения денежных средств. При этом наличие осведомленности, например,

о том, что денежные средства могут идти на финансирование террористической или диверсионной деятельности, предполагает необходимость дополнительной квалификации действий дроппера за содействие террористической (ст. 205.1 УК РФ) или диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ), поскольку объект уголовно-правовой охраны расширяется. Хотя на практике считаем, что между данными нормами может возникнуть конкуренция, поскольку юридической оценке по разным статьям Особенной части УК РФ фактически подлежат одни и те же действия дропперов.

Предметом преступлений, предусмотренных ч.ч. 3, 4, 5 ст. 187 УК РФ, выступают электронные средства платежа. Согласно п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» это «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств»⁸. Уголовный закон в примечании 2 к ст. 187 УК РФ несколько уточняет содержание данной категории: «Под электронным средством платежа в настоящей статье понимаются эмитированные (предоставленные) в соответствии с законодательством Российской Федерации средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств».

Итак, действия дропперов в отношении официально принадлежащих им электронных средств платежа альтернативно могут состоять в следующем:

- передача доступа к ним другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций (ч. 3 ст. 187 УК РФ);

⁸ О национальной платежной системе: Федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ: в ред. от 23 мая 2025 г. № 105-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27, ст. 3872; 2025. № 21, ст. 2526.

– осуществление неправомерных операций с ними по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица (ч. 4 ст. 187 УК РФ);

– их приобретение либо передача другому лицу и (или) доступа к ним для осуществления неправомерных операций, совершенные лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств, либо приобретение таким лицом электронного средства платежа и (или) доступа к нему для последующей их передачи другому лицу (ч. 5 ст. 187 УК РФ).

Как видим, перечень способов осуществления преступных действий дропперами довольно внушителен. Дропперами, выступающими в качестве законных клиентов банковской системы, используются официально предоставленный им, собственные (можно даже сказать именные) электронные средства платежа, но в последующих неправомерных целях, реализуемых третьими лицами, как известными, так и неизвестными самим дропперами.

Каждый преступный способ предполагает совершение активных действий со стороны виновного. Юридически оконченным рассматриваемые преступления считаются с момента осуществления хотя бы одного из указанных в ч.ч. 3-5 ст. 187 УК РФ действий, соответственно общественно опасные последствия остаются вне рамок уголовно-правового регулирования (формальные составы преступлений). Важен в этом контексте, на наш взгляд, вопрос квалификации действий дроппера в тех случаях, когда перевод денежных средств на предоставленный им счет, либо перевод с принадлежащего ему счета на другой блокируются оператором по переводу денежных средств. К числу подобных блокировок, по мнению И.А. Миляевой и А.А. Шибакова, «относится несоответствие характера, параметра, объема проводимой операции операциям, обычно совершаемым клиентом оператора по переводу денежных средств» [5. С. 37]. Полагаем, что в случае, когда со стороны дроппера были осуществлены все необходимые для проведения денежного перевода действия, но преступный результат не наступил

по независящим от него обстоятельствам, событие необходимо квалифицировать как покушение на преступление (ч. 3 ст. 30 УК РФ).

Субъект рассматриваемых составов преступлений специальный - физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее на законных основаниях электронными средствами платежа, которые были ему эмитированы в соответствии с законодательством Российской Федерации, т.е. лицо, являющееся клиентом оператора по переводу денежных средств.

Заметим, что законодатель не использовал в юридической конструкции ст. 187 УК РФ термин «дроппер» во многом потому, что он не является исконно русским и потребовал бы дополнительных законодательных пояснений. Поэтому в правовом обороте был применен уже устоявшийся в понятийно-категориальном аппарате финансовой сферы термин «клиент оператора по переводу денежных средств». Согласно Федеральному закону от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», клиент – это «физическое лицо, находящееся на обслуживании организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом»⁹. На примере банковской сферы деятельности поясним, что для того чтобы стать клиентом, необходимо обратиться в соответствующий банк и оформить на основании паспортных данных банковский счет на свое имя. По умолчанию предполагается, что каждый оформленный на клиента счет предназначен для его личного пользования и не подлежит передаче третьим лицам либо предоставлению им для неправомерного использования.

Субъективная сторона преступления предполагает умышленную форму вины. Вид умысла - прямой, поскольку согласно ч.ч. 3-5 ст. 187 УК РФ все преступные действия дроппер осуществляет из корыстной заинтересованности.

Верховный Суд РФ уже довольно давно упрочил свою позицию по поводу того, что именно понимается под корыстью в контексте преступной мотивации, либо целеполагания, выступающих в качестве

⁹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ: в ред. от 24 июня 2025 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I), ст. 3418; 2025. № 26 (часть I), ст. 3492.

факультативных признаков субъективной стороны составов преступлений. Это «получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавление от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)»¹⁰. В настоящее время наиболее распространены случаи, когда физические лица становятся дропперами в силу материальной нужды, необходимости закрытия имеющихся финансовых обязательств, либо обманным путем в процессе реализации различных мошеннических схем по незаконному отъему денежных средств у доверчивых граждан.

Вина в виде прямого умысла предполагает согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ, что дроппер не только осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность их осуществления и желает их осуществления, но и осознает, предвидит и желает осуществления неправомерных действий со стороны третьего лица, в чьих интересах он осуществляет соответствующие операции с электронным средством платежа. При этом уголовный закон не предполагает необходимость доказывания осведомленности дроппера об истинных преступных намерениях третьего лица, совершающего в дальнейшем, либо уже совершившего какое-либо преступление при содействии дроппера. Иными словами, сама конкретика противоправной деятельности здесь не важна, как, например, для ст. 205.6 УК РФ, и не охватывается направленностью умысла дроппера.

Вместе с тем полагаем, что при расследовании уголовных дел в отношении дропперов, будет весьма проблематично доказать их осведомленность в том, что денежные средства, которые они «провели» через свой банковский лицевой счет, используются третьими лицами в неправомерных целях или, как указано в ст. 187 УК РФ, – «для осуществления неправомерных операций». Согласно примечанию 3 к ст. 187 УК РФ «под неправомерной операцией

понимаются совершенные с использованием электронного средства платежа перевод денежных средств, выдача и (или) получение со счета наличных денежных средств, которые зачислены на банковский счет клиента оператора по переводу денежных средств без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований. Не являются неправомерными операции по переводу, выдаче и (или) получению денежных средств с использованием электронного средства платежа и (или) доступа к нему, если указанные операции совершены с согласия клиента оператора по переводу денежных средств в отношении принадлежащих такому клиенту денежных средств». Как видим, уголовный закон прямо не говорит о том, что неправомерные операции сопряжены с преступной деятельностью третьих лиц, однако, на практике происходит именно так. На практике существуют примеры непривлечения дропперов к уголовной ответственности (даже вопреки получаемому ими денежному вознаграждению) в силу отсутствия подтверждения направленности умысла на последующее совершение преступления со стороны третьего лица, в чьих интересах проводилась неправомерная операция со стороны дроппера¹¹. Также есть множество случаев, когда граждане обманным путем становились дропперами, сами фактически являясь потерпевшими от мошеннических действий других лиц. Очевидно, что в будущем потребуются более детальные разъяснения правил квалификации указанных ситуаций на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Далее отметим, что уголовный закон в новой редакции ст. 187 УК РФ одновременно предусмотрел поощрительное основание для освобождения дропперов от уголовной ответственности. Оно применяется в тех случаях, когда виновное лицо, являющееся клиентом оператора по переводу денежных средств (дроппер), впервые совершило преступление, предусмотренное ч. 3 или ч. 4 ст. 187 УК РФ, если оно «активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию

¹⁰ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1: в ред. от 3 марта 2015 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3; 2015. № 5.

¹¹ Приговор Ленинского районного суда г. Курска № 1-177/2025 1-964/2024 от 20 февраля 2025 г. по делу № 1-177/2025 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Tkrd5KOgIFHu/> (дата обращения: 13.08.2025).

и добровольно сообщило о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа» (примечание 4 к ст. 187 УК РФ). Полагаем, что этот механизм позволит во многом ускорить процесс расследования преступлений, совершаемых третьими лицами, вовлеченными в преступную деятельность дропперов.

Также необходимо отметить наличие конкуренции рассмотренных нами составов преступлений с иными преступлениями Особенной части УК РФ. Так, ч. 4 ст. 187 УК РФ конкурирует со ст. 172 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконную банковскую деятельность. Отныне такие преступные действия необходимо разграничивать по следующим основаниям:

1) по ст. 172 УК РФ обязательным условием наступления уголовной ответственности является осуществление банковских операций без регистрации или без специального разрешения (лицензии), по ч. 4 ст. 187 УК РФ субъекту предоставлено соответствующее право на совершение банковских операций по переводу денежных средств в качестве эмитента;

2) по ст. 172 УК РФ обязательно наступление общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечения дохода в крупном размере, по ч. 4 ст. 187 УК РФ какие-либо общественно опасные последствия не являются юридически значимыми.

Также в исследуемой нами части ст. 187 УК РФ необходимо отграничивать от ст. 174 УК РФ, предусматривающей ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества,

приобретенных другими лицами преступным путем. На наш взгляд, составы данных преступлений разграничиваются по следующим основаниям:

1) по ст. 174 УК РФ в сознании виновного обязателен признак заведомости знания о том, что отмываемые денежные средства приобретены другими лицами преступным путем, по ст. 187 УК РФ признак заведомости отсутствует;

2) цель совершения преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, состоит в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, по ст. 187 УК РФ такая цель не криминализована.

Заключение

Проведенное исследование новых составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность для дропперов в ч.ч. 3-5 ст. 187 УК РФ, позволило обобщить основные законодательные позиции, выявить имеющиеся проблемы и наметить направления их решения.

Итак, некогда подставное лицо – собственник средств платежа – отныне стало самостоятельной фигурой уголовно-правовых отношений, действиями которого обеспечивается осуществление неправомерных операций с наличными и безналичными денежными средствами, используемыми третьими лицами в т.ч. для совершений иных преступлений. С этой точки зрения полагаем, что преступление дроппера можно считать предикатным, поскольку оно может являться составной частью другого, более масштабного преступления и выступать необходимым условием для его организации, либо сокрытия.

Литература:

1. Богацкая У.И. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, 07-08 июня 2024 г. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 51-54.
2. Горшкова Н.А., Зезюлина Т.А. Понятие и признаки дистанционных преступлений // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20, № 4(73). С. 68-75.
3. Зайцева О.В. Уголовная ответственности дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6(161). С. 138-146.
4. Ларичев В.Д., Якушева Т.В. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного урегулирования // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 82-99.
5. Миляева И.А., Шibaков А.А. Квалификация хищений, связанных с дистанционным оформлением кредита // Законность. 2025. № 7. С. 34-37.

6. Фентти М.Г. Правовые механизмы противодействия хищению денежных средств с банковских счетов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 6. С. 39-42.

A NEW APPROACH TO CRIMINALIZING DROPPERS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Introduction. In the era of digital transformation of a large number of public relations and an increase in the share of non-cash payments, criminals were forced to resort to the latest mechanisms for involving other citizens in their criminal activities. One of these methods has become droppery, when citizens provide their bank accounts for replenishment, withdrawal of cash or cashless movement for a monetary reward. Droppery is a new phenomenon in domestic crime, through which citizens participate in the illicit trafficking of non-cash funds, the origin of which is associated with the preparation or commission of a crime, concealment of traces of its commission, complication of the chain of movement of funds of criminal origin. In this regard, it is proved that the crimes of droppers are an integral part of a larger-scale criminal activity, but at the same time they are an independent criminal law phenomenon, the study of which at the doctrinal level is just beginning.

For the first time, the article examines the features of the new types of crimes provided for in Parts 3-5 of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), which established responsibility for droppers, emphasizes their criminal law qualifications, and makes a comparative legal analysis with other related crimes.

Materials and methods. The materials and methods are presented by referring to the modern doctrine of criminal law, criminology and the practice of applying criminal law in law enforcement, as well as the integrated use of such general scientific methods as dialectics, logic, comparison, induction, deduction, generalization, division and the following private scientific methods of cognition: comparative law, formal logic, system-structural, content analysis.

Research results. The analysis made it possible to consider theoretical and legal approaches to the interpretation of dropper crimes, clarify the concept of droppery in modern criminal law, study the current

legislative position on bringing droppers to criminal responsibility and criminalizing their actions, identify and characterize the key objective and subjective signs of dropper crimes, focus on the increasing criminogenic potential of these crimes, acting as an integral part of other larger-scale criminal activities of third parties.

Discussion and conclusion. Dropper crimes are a new type of socially dangerous acts prohibited by criminal law in Parts 3-5 of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed in various ways using electronic means of payment, including: transfer of access to them to other persons; independent illegal transactions with them; their acquisition or transfer to another person and (or) granting access to them by other persons.

The principal conditions for the onset of criminal liability of droppers are contained in the subjective side of the offences provided for in parts 3-5 of art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. Firstly, the intent of the dropper should include the understanding that all transactions with funds carried out by him are illegal, or such illegal transactions are carried out by a third party who has involved the dropper in this activity. Secondly, there must be a selfish interest in the motivation of the dropper's actions, suggesting the material interest of the dropper in receiving some kind of reward for his assistance in the flow of funds through his personal accounts. The lack of evidence of these signs implies in practice the impossibility of bringing the dropper to criminal responsibility.

Tatyana A. Zezyulina,
Candidate of Sciences (Law),
Head of the Department of Civil Law
Disciplines, the Faculty of Investigator Training,
the Moscow Academy of the Investigative
Committee named after A.Y. Sukharev,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

дроппер, клиент оператора по переводу денежных средств, электронное средство платежа, неправомерные операции, предикатное преступление

Keywords:

dropper, client of a money transfer operator, electronic means of payment, illegal transactions, predicate offense

References:

1. Bogatskaya U.I., 2024. Osobennosti privlechenija k ugovolnoj otvetstvennosti dropov za sovershenie prestuplenij s ispol'zovaniem informacionno-telekumanikacionnyh tehnologij [Features of bringing drops to criminal responsibility for committing crimes using information and telecommunication technologies]. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnja, zavtra: Materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 07-08 ijunja 2024 g. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii* [Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the annual international scientific and practical conference, June 07-08, 2024 St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. S. 51-54.
2. Gorshkova N.A., Zezulina T.A., 2024. Ponjatie i priznaki distancionnyh prestuplenij [The concept and signs of remote crimes]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration]*. Vol. 20. No. 4(73). S. 68-75.
3. Zaitseva O.V., 2024. Ugolovnaja otvetstvennosti dropperov: za i protiv [Criminal liability of droppers: pros and cons]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]*. No. 6(161). S. 138-146.
4. Larichev V.D., Yakusheva T.V., 2023. Organizovannaja prestupnost' i kiberprestupnost': voprosy sootnoshenija i zakonodatel'nogo uregulirovanija [Organized crime and cybercrime: issues of correlation and legislative regulation]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. No. 3. S. 82-99.
5. Milyaeva I.A., Shibakov A.A., 2025. Kvalifikacija hishhenij, svjazannyh s distancionnym oformleniem kredita [Qualification of embezzlement related to remote loan processing]. *Zakonnost' [Legality]*. No. 7. S. 34-37.
6. Fentti M.G., 2024. Pravovye mehanizmy protivodejstvija hishheniju denezhnyh sredstv s bankovskih schetov [Legal mechanisms for countering the theft of funds from bank accounts]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*. No. 6. S. 39-42.